ОРБИТА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Брак по расчёту.
Страсть без правил.

18+

18+

Мирия Р.

Орбита предательства

«Автор»
2026

Р. М.

Орбита предательства / М. Р. — «Автор», 2026

Днём леди Лира Соларис — послушная сестра регента. Ночью она — Искра, дерзкий пилот нелегальных гонок в Поясе Кальдеры, где нет титулов, протоколов и чужих долгов. Всё рушится за одну ночь: Дом Соларис на грани банкротства, а цена спасения — политический брак с адмиралом Каэлом Торном. Его зовут Железным Призраком. Он холоден, расчётлив и носит чёрный металлический протез вместо левой руки. Чтобы заставить Лиру сказать «да», брат бьёт по единственному, что ей дорого — по свободе человека из Пояса. Лира решает сломать эту сделку изнутри: стать самой невыносимой невестой на борту флагмана «Морана», чтобы прагматичный адмирал сам разорвал помолвку. Но Торн не играет в светские игры — он играет в «осаду», где ради победы жертвуют даже лучшими фигурами.
Чем ближе Лира подпускает к себе этого человека, тем труднее понять: она влюбляется в союзника, который впервые в жизни видит в ней равную — или в чудовище, которое с самого начала вело её к главной тайне её Дома?

© Р. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Слалом в Пыли 6
Глава 2. Пыльный Рай 10
Глава 3. Регент 14
Глава 4. Решётка 18
Глава 5. Бал помолвки 22
Глава 6. Ключ невесты 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Мирия Р.
Орбита предательства

Роман · 18+

Глава 1. Слалом в Пыли

Глыба размером с дворцовую башню надвигалась прямо по курсу. Лира смотрела на неё со странным спокойствием — почти с нежностью, с какой встречают старого, пусть и некстати явившегося знакомого.

— Влево! — заорал Джакс так, что динамик шлема хрипнул. — Лира, уходи влево!

— Слышу, — спокойно отозвалась она.

Она даже не шелохнулась.

— Тогда почему мы летим прямо?!

— Потому что слева вторая.

Вторая глыба вынырнула из пылевого облака спустя полсекунды. Чёрная, изъеденная кратерами, обросшая седым инеем. Если бы Лира послушалась и дёрнула штурвал влево, от «Стрижа» осталось бы только красивое плазменное пятно на древнем камне. Вместо этого она мягко качнула ручку на себя. Скиф лёг на крыло и проскользнул в узкую щель между астероидами. Обшивка противно скрежетнула — звук отдался прямо в зубах, словно кто-то провёл ногтем по стеклу.

Джакс шумно выдохнул, вжимаясь в ложемент.

— Я тебя ненавижу, — сообщил он с чувством. — Вот прямо сейчас — искренне и по-настоящему. Через минуту, наверное, отпустит.

Лира только улыбнулась под визором. Отвечать не хотелось. Это острое, звенящее мгновение нужно было удержать в себе, не расплескав на слова. Ради него стоило лгать брату, обманывать охрану и сбегать из Янтарного дворца. Сердце билось у самого горла, ладони в перчатках горели, а в голове разлилась кристальная пустота. В ней не было места бальным протоколам, политике и вежливым лордам, которые целуют тебе руку, мысленно прикидывая размер приданого. Остались только пыль, камни и скорость. Наверное, именно так выглядит счастье, если не пытаться загнать его в рамки слов.

Пояс Кальдеры когда-то был луной. Затем она треснула — причины давно стёрлись из памяти — и рассыпалась вокруг газового гиганта Тамира на миллионы обломков. Издалека Пояс казался серебряным шарфом, небрежно наброшенным на рыжие плечи планеты. Вблизи он оборачивался гигантским кладбищем, которое всё ещё надеялось кого-нибудь проглотить.

Именно здесь по ночам проводили «Слалом в Пыли». Без лицензий, без страховок и без настоящих имён. Бабушка Зо принимала ставки в своём баре на станции Огарок, а трасса менялась каждую гонку, потому что камни находились в вечном, хаотичном движении. Лира гоняла тут два года под позывным «Искра». В чужом шлеме, в чужой куртке и на чужом скифе, принадлежавшем Джаксу.

— Отметка семь, — голос контрабандиста выровнялся. Он постучал пальцем по экрану радара. — Дальше Гребёнка, за ней Игольное ушко. Рутгер в восьми секундах впереди.

— В семи, — поправила Лира, не сводя глаз с приборов.

— В восьми, Искра. Ты вечно округляешь в свою пользу.

— Я просто оптимистка.

Джакс рассмеялся.

— Ты сумасшедшая. Красивая сумасшедшая в моей куртке.

Она фыркнула. Потёртая кожа куртки пахла машинным маслом, дешёвым табаком и, как ни странно, апельсинами. Джакс вечно таскал их в карманах, уверяя, что спасается от цинги. Цингой в этом секторе не болели уже лет двести, но он упрямо чистил фрукты прямо в кресле второго пилота, снимая кожуру одной длинной лентой. Из-за этого кабина «Стрижа» даже в самые паршивые ночи пахла праздником. Прямо под колпаком, на внешней обшивке, он однажды нарисовал краской кривой оранжевый круг с листиком — «на удачу». Лира дразнила

его, называя рисунок мандарином, больным желтухой, на что Джакс обижался так искренне, что ей становилось и смешно, и стыдно.

Сейчас впереди летел Рутгер Хаддат на «Золотом соколе». Его корабль стоил как небольшой остров на Вейре: новейшие двигатели, усиленная броня, навигатор с голосом оперной дивы. Лорд Оссиан Хаддат, владевший половиной рудников сектора, любил сына как дорогую игрушку. Он покупал ему всё. Кроме умения летать — его в магазинах Синдиката не продавали.

— Он опять идёт по внешнему краю Гребёнки, — заметил Джакс, следя за телеметрией. — Безопасно и до зевоты скучно, весь в папашу.

— Они все такие.

— Не все, — Джакс покосился на неё. — Ты ведь тоже из «этих».

Лира промолчала. Да, из «этих». Леди Лира Соларис, сестра регента. Янтарный герб, сто сорок лет родословной и дворец над морем. А ещё — катастрофический счёт в банке Велан, на который её брат Эйден весь последний месяц смотрел так, будто там лежал покойник. Эйден отчаянно искал выход. От его взглядов, брошенных на Лиру за ужином, всё чаще веяло холодным, пугающим расчётом.

Она отогнала эту мысль, как назойливую осу. Не здесь. Здесь она Искра. А у Искры нет ни брата, ни банковских долгов Дома.

— Пойдём через середину, — решила она.

— Через середину Гребёнки никто не ходит!

— Значит, там свободно.

Джакс открыл рот, чтобы возмутиться, но передумал. Вместо этого он достал из кармана апельсин и сунул ей под локоть.

— На удачу, — вздохнул он. — Если разобьёмся, пусть от нас хотя бы пахнет вкусно.

Гребёнка представляла собой плотную полосу мелких астероидов, частую, как зубья расчёски. Лира вошла в неё на полной тяге. Мир сузился до мелькания света и тени. Руки двигались быстрее мысли. Где-то на краю сознания всплыл тихий голос отца: «Настоящий пилот летает не головой, а спиной. Чувствует машину позвоночником, как собственный хвост». В семь лет она всерьёз обижалась, что хвоста у неё нет, а отец смеялся — мягко, прикрывая рот ладонью. Три года, как его не стало. Боль от потери давно превратилась в тупую ноющую тяжесть, напоминающую о себе лишь к перемене погоды. Но сейчас было не время для воспоминаний.

— Справа! — крикнул Джакс.

— Вижу.

— Сверху!

— Вижу.

— Искра, у тебя что, глаза на затылке?!

— У меня есть спина, — бросила она, не вдаваясь в подробности.

Скиф вылетел из Гребёнки, как пробка из бутылки. Впереди засиял золотой бок «Сокола». Рутгер заметил их: пламя из его дюз ударило ярче. Он жёг топливо подчистую.

— Испугался, сынок, — с удовольствием констатировал Джакс.

Прямо по курсу вырастало Игольное ушко — две гигантские глыбы, соединённые перемычкой из древнего льда. Если верить картам Бабушки Зо, щель между ними была шириной в два корпуса «Стрижа». Если верить Джаксу, карты Зо безбожно врали с тех пор, как ей поставили дешёвый глазной имплант. Рутгер, разумеется, заложил длинную дугу, уходя в безопасный обход. Лира направила нос скифа прямо в ледяную щель.

— Нет, — произнёс Джакс с пугающим, обречённым спокойствием. — Нет, Лира. Я слишком молод. У меня не выплачен кредит за «Ласточку». У меня кот.

— У тебя нет кота.

— Я как раз собирался его завести!

Ледяная арка надвигалась, сверкая в свете прожекторов, как бутылочное стекло. Под рёбрами свернулся тугой, горячий комок страха. Лира не стала его давить. Страх был платой за право чувствовать себя живой. Она сбросила тягу на треть, чуть задрала нос корабля и повела «Стриж» в щель так бережно, словно вдевала нитку в иглу.

В кабине стало так тихо, что Лира слышала только сбитое дыхание напарника и гул переборок. По правому крылу пополз иней — ледяная толща оказалась так близко, что от неё повеяло могильным холодом прямо сквозь обшивку.

А затем лёд кончился. Пространство снова распахнулось россыпью звёзд. Впереди замигал красный финишный буй. «Золотой сокол» вынырнул из-за глыб, опоздав ровно на четыре секунды.

Джакс орал целую минуту, без передышки и без особого смысла. Он молотил кулаками по панели, срывал и снова напяливал шлем, пытался обнять Лиру через подлокотник, а в конце концов просто прижался лбом к толстому стеклу кабины.

— Четыре секунды! — вопил он. — Четыре! Ты видела его лицо?

— Он вообще-то в шлеме.

— Я чувствую его лицо сквозь вакуум! Оно всё перекошенное!

В общем канале кто-то присвистнул. Скрипучий голос Бабушки Зо деловито объявил: «Победила Искра. Ставки закрыты. Рутгер, деточка, готовь кредиты». Рутгер зло огрызнулся, что проход был нечестным. Зо, не меняя тона, отрезала: «Честных проходов в Поясе не бывает. Бывают только живые и мёртвые».

Лира стянула шлем и рассмеялась в голос — хрипло, раскованно, совсем не как подобает леди Соларис. Взмокшие рыжие пряди прилипли ко лбу.

Джакс вдруг замолчал. Он смотрел на неё так долго, что повисла неловкая пауза.

— Что? — не выдержала она.

— Ничего, — он отвёл глаза и принялся за апельсин, привычно снимая кожуру спиралью. — Просто сейчас ты какая-то... очень живая.

— А обычно?

— Обычно ты Лира Соларис. И ходишь вот так, — он комично выпрямил спину, задрал подбородок и состроил лицо человека, нечаянно проглотившего вилку.

Она со смехом шлёпнула его по плечу:

— Я так не хожу!

— Ходишь. На всех ваших балах. Я видел в новостях.

— Ты смотришь светскую хронику?

— Только ту, где показывают тебя. — Он протянул ей дольку. — Держи. Победителям полагается.

Апельсин был кислым, холодным и совершенно прекрасным. Лира откинулась в ложементе, прикрыв глаза. За стеклом неторопливо вращался Тамир, перечёркнутый штормовыми полосами. Ей до одури хотелось, чтобы эта ночь не заканчивалась. Чтобы не нужно было красться на верфь, переодеваться в казённую форму, проскальзывать во дворец через служебный ход и притворяться спящей. Ещё одну такую ночь, загадала она. Ещё одну. Ещё сто.

— Эй, — голос Джакса резко изменился. Из него разом пропала всякая беспечность.

Лира открыла глаза. Контрабандист хмуро смотрел на радар. На самом краю экрана, у внешней границы Пояса, висела крохотная зелёная точка. Абсолютно неподвижная.

— Что это?

— Не знаю, — складка на лбу Джакса стала глубже. — Висит там со старта. Я думал, зевака от Бабушки Зо.

— Зрители не выключают транспондеры, — проговорила Лира.

— И не висят в одной координате сорок минут, как прибитые гвоздями. — Он увеличил картинку, но та не стала яснее. Просто тёмный гладкий силуэт без габаритных огней.

Лира вглядывалась в точку. Ей казалось — иррационально, до мурашек, — что далёкий корабль смотрит на неё в ответ. Внимательно и терпеливо. Как покупатель оценивает призовую лошадь.

Внезапно зелёный маркер мигнул и исчез. Корабль не улетел — он просто стёрся с радаров.

В тёплой, пахнущей цитрусом кабине вдруг стало зябко.

— Искра, — сказал Джакс, глядя на пустой экран. — Кто-то очень богатый и очень опасный только что смотрел, как ты летаешь.

Глава 2. Пыльный Рай

Бар «Пыльный Рай» лепился к грязному металлическому боку станции Огарок, напоминая нарост на днище старого корабля. Внутри всегда стояла оглушающая, плотная духота. Древние вентиляторы под низким потолком надсадно гудели, гоняя по кругу густой коктейль из запахов: пережаренная рыба, горелая изоляция и прокисшее пиво. Стены заведения украшали обломки обшивки — куски истребителей и скифов, разбившихся в Поясе. На каждом куске мелом было выведено имя. Лира знала некоторые из них, и потому старалась смотреть в свою тарелку. Ей казалось неправильным праздновать победу под взглядами тех, кому однажды не хватило считанных сантиметров.

— Искра! — гаркнул кто-то у стойки, и половина посетителей грохнула кружками по столам.

Она глубже натянула капюшон, хотя здесь никто не знал её в лицо. В «Пыльном Раю» не существовало леди Соларис. Здесь жила девчонка в потёртой куртке с чужого плеча, которая только что уделала Хаддата на четыре секунды. Это звание значило для неё больше, чем любая фамильная диадема.

Бабушка Зо смахнула со стойки крошки грязным рукавом и с размаху поставила перед ней гранёный стакан с ядовито-зелёной жидкостью. Механический глаз хозяйки тихо зажужжал, наводя резкость, а живой смотрел хитро и на удивление ласково.

— Пей. За счёт заведения, — скомандовала Зо. — Ты мне сегодня сделала месячную выручку.

— Я думала, вы ставили на Рутгера, — Лира пододвинула стакан к себе.

— Я ставлю на тех, кто платит, деточка. Сегодня мне щедро отсыпали кредитов за то, что ты размажешься по Игольному ушку. А ты не размазалась. Значит, банк сорвала я.

— Это нечестно.

— Это Пояс, — Зо подмигнула живым глазом. Механический имплант подмигивать не умел и просто сухо щёлкнул линзой.

Лира сделала глоток. Зелёное пойло обожгло горло, но оставило на языке неожиданно свежий привкус перечной мяты. Напряжение, стягивавшее плечи весь вечер, начало отпускать.

Она протиснулась в дальний угол, где под крылом давно погибшего перехватчика её ждали свои. Девятнадцатилетняя Пип, остриженная почти налысо, с серебряным колечком в брови, сидела, поджав под себя ногу. У Пип были такие быстрые пальцы, что курс гиперпрыжка она пересчитывала в уме быстрее бортового компьютера «Ласточки». Она искренне считала Лиру дочерью богатого торговца рыбой с Аурелии — такую легенду сочинил Джакс, а Пип верила ему во всём, что не касалось распределения долей за рейс.

Напротив сидел Гуго. Возраста механика не знал никто; возможно, ему было пятьдесят, а может, и все сто. Обе ноги у него были аугментированы. Старые, неповоротливые сочленения отвратительно скрипели, и Гуго прямо сейчас задумчиво капал машинным маслом в коленный шарнир из маленькой масленки, с таким же будничным видом, с каким другие люди солят суп.

— Видел я твоё Ушко, — проворчал старик, закручивая колпачок масленки. — Красиво. Но скверно. Иней на правом крыле заметила? Ещё полметра, и я бы вас по кусочкам из этой глыбы выковыривал.

— Но выковыривал бы? — Лира плюхнулась на скрипучий диван.

— Выковыривал бы, — тяжело вздохнул Гуго. — Куда я денусь.

Пип перегнулась через залитый пивом стол и вцепилась Лире в запястья:

— Ты ненормальная, понимаешь? Я всю гонку грызла провод! Смотри! — Она сунула ей под нос кусок кабеля, замотанный синей изолентой и покрытый свежими следами зубов. —

Это был мой лучший дата-кабель! Нет, не извиняйся. Просто в следующий раз предупреждай, когда решишь убиться, я возьму провод похуже.

Толпу у стойки раздвинул Джакс. Он нёс поднос с четырьмя кружками, дымящейся горой жареных кальмаров и каким-то замасленным свёртком, перетянутым проволокой. Усевшись рядом с Лирой — колено к колену, иначе за узким столиком было не поместиться, — он пододвинул свёрток к ней.

— Подарок, — сказал он, пытаясь изобразить небрежность, но вышло неубедительно. — Открывай.

Лира размотала проволоку. В промасленной ветоши лежал болт. Самый обычный крепёжный болт из потемневшего сплава, с выщербленной резьбой, продетый на тонкий кожаный шнурок.

— Ты подарил мне болт, — произнесла она, не зная, плакать ей или смеяться.

— Не просто болт, — Джакс ревностно постучал по металлу ногтем. — Это болт с «Ласточки». С левой опорной стойки. Он держал мой корабль восемь лет. Прошёл три локальные войны, две коррумпированные таможни и одну очень неудачную свадьбу на Велан-Прайме. Я его сегодня утром выкрутил.

— А «Ласточка» без него не развалится по дороге?

— Гуго поставил новый.

— Гуго поставил кривой, — мрачно уточнил механик, не поднимая головы. — Потому что какой-то идиот выкрутил хороший.

Джакс пропустил комментарий мимо ушей. Он подался ближе к Лире, и его голос дрогнул, растеряв всю показную браваду:

— Это чтобы ты помнила. У тебя есть корабль. Хотя бы кусочек. Пока нет своего.

Лира уставилась на кусок тусклого металла, чувствуя, как к горлу подкатывает горячий ком. У неё был дворец. Гардеробная размером с грузовой ангар. Шкатулка с коллекционным янтарём покойной матери и сорок пар бальных туфель, каждую изкоторых она ненавидела до тошноты. Влиятельные лорды дарили ей бриллианты, чистокровных лошадей с Мерих-Прайма и даже живого павлина, который доводил до истерики дворцовых садовников.

Но никто и никогда не откручивал для неё кусок собственного корабля.

— Надень, — шмыгнула носом Пип. — Ну надень же, а то я сейчас разревусь.

Лира перекинула шнурок через голову. Болт лёг на грудь — тяжёлый, надёжный и ещё хранящий тепло пальцев Джакса.

Дальше были кальмары, ещё по кружке пива и бесконечная история Гуго про кхаронского пирата с тремя жёнами. Все за столом слышали её раз двадцать, но хохотали до слёз, потому что смеяться было гораздо проще, чем думать о том, что скоро наступит утро. Пип уснула прямо на столешнице, уткнувшись носом в локоть. Бабушка Зо погасила половину ламп, и в полумраке «Пыльный Рай» стал похож на кают-компанию затонувшего крейсера, который никуда не летит, но укрывает своих от шторма.

Джакс вытащил из внутреннего кармана потёртый планшет и развернул экран к Лире. Это была не стандартная навигационная сетка, а старая, вручную размеченная карта с пятнами и пометками на полях. В центре теснился знакомый сектор: Вейра, кузницы Кхарона, банки Велан-Прайма, кольца Хаддата и зелёные сады Мерих. Пять звёздных домов. Пять цветов власти. А по краям, за последними известными вратами, раскинулось пустое серое поле, перечёркнутое тонкой красной линией.

— Неизведанные сектора, — сказал он. — Туда никто не летает. Там нет врат. Только старые цепочки маяков. Лет сто назад какой-то сумасшедший картограф их расставил и не вернулся.

— Тогда зачем туда соваться?

— Потому что он не вернулся, — Джакс улыбнулся одними глазами. — Может, ему там просто понравилось больше, чем здесь.

Лира провела кончиком пальца по красной линии. В этом сером поле не было ни одного герба. Ни одного Синдиката. И ни одного старшего брата, который смотрит на твой банковский счёт, как на приговор. Ей вдруг до физической боли захотелось оказаться там, в абсолютной пустоте, где никто не знает, что значит фамилия Соларис.

— Там можно назвать звезду своим именем, — продолжал Джакс, следя за её пальцем. — Или моим. Я не жадный. «Звезда Джакса» — как тебе?

— Звучит как дешёвое пиво.

— Зато это будет свободное пиво, Искра. — Он убрал планшет и посмотрел на свои руки. — Когда-нибудь «Ласточка» туда долетит. Я коплю на прыжковый блок. Или... не знаю. Если бы я нашёл кредиты на проезд в трюме огромного грузового хаулера, я бы спрятал там «Стрижа» и утащил его хоть на край системы. Ещё год, ну, полтора. И если какой-нибудь рыжей девице однажды надоест торговать рыбой...

Он не договорил. В этом не было нужды. Лира смотрела на его профиль, на знакомую складку на лбу, на рыжеватую щетину. Он повернулся к ней. Они сидели так близко, что она чувствовала запах апельсиновой цедры от его куртки и видела своё отражение в его зрачках. На одно бесконечное, натянутое мгновение ей показалось, что если она сейчас подастся вперёд всего на пару сантиметров, то пути назад во дворец уже не будет. Контракты, долги и янтарь исчезнут навсегда.

Но страх оказаться привязанной к кому-то по-настоящему оказался сильнее. У Соларис не бывает «навсегда». У них бывают только сделки.

— У тебя кусок кальмара на подбородке, — брякнула она.

Джакс растерянно моргнул, потёр подбородок, ничего не обнаружил и укоризненно констатировал:

— Врёшь.

— Вру.

Он неестественно громко рассмеялся и отодвинулся. Лира мысленно обругала себя трусихой, а увесистый болт на груди вдруг показался ей куском свинца.

Над стойкой мигнул старый голоэкран с выключенным звуком — транслировали вечерние новости Консорциума. Бегущая красная строка сообщала об очередном падении акций Синдиката Соларис. Лира поспешно отвела взгляд. Когда она посмотрела снова, картинка сменилась.

Камера показывала циклопических размеров ангар, идеальные ряды тёмных истребителей и флаг с серебряной шестерней на чёрном поле. Синдикат Торн.

Вдоль шеренги пилотов шёл высокий человек в глухом чёрном мундире без единой медали. Левая рука была затянута в чёрную перчатку. Оператор взял крупный план: резкие, безжалостные скулы, тяжёлый подбородок и светлые, вымораживающие глаза. Строка гласила: «Адмирал Каэл Торн принимает новую эскадру».

— О, — Гуго перестал ковыряться в колене. — Железный Призрак собственной персоной.

— Почему Призрак? — спросила Лира.

— Потому что его флот никто не видит на радарах. А когда замечают, становится слишком поздно молиться.

— А почему железный?

Гуго постучал замасленным ключом по своему аугментированному бедру:

— У него левая рука — как мои ноги. Только стоит как вся эта станция.

Адмирал на экране остановился перед пилотами. Он не произнёс ни слова. Просто обвёл строй цепким взглядом, и Лире показалось, что выправка солдат стала ещё жёстче, словно их пропустили через пресс.

— Какой-то он деревянный... то есть железный истукан, — хмыкнула она, пытаясь сбросить наваждение. — Его, наверное, на ночь отключают от сети и ставят в угол, чтобы заряд батареи не тратил.

Джакс расхохотался. Пип недовольно заворочалась во сне. И только Гуго не улыбнулся. Он сурово посмотрел на Лиру из-под кустистых бровей.

— Не шути про него, девочка, — скрипуче посоветовал старик. — Такие, как он, не понимают шуток. Говорят, он слышит всё, что происходит в секторе. И никогда ничего не забывает.

На верфь Соларис она вернулась в четыре утра.

Испытательный ангар номер шесть находился на отшибе, вдали от главных доков. Охраны здесь обычно не было, а расписание патрулей Лира знала наизусть. Она посадила служебный челнок точно на стыковочную разметку, быстро стянула пропахшую апельсинами куртку Джакса и затолкала её в тайник за щитком вентиляции. Натянула казённую форму испытателя, тщательно спрятав болт под глухой воротник. Металл сразу прижался к коже, согревая, как маленький тайный союзник.

Оставалось пройти через технический шлюз, скользнуть вдоль стены к служебному лифту, и через пятнадцать минут она будет в своей дворцовой спальне.

Она шагнула к двери.

В ту же секунду под потолком с оглушительным щелчком вспыхнули все двенадцать прожекторов. Ангар залило безжалостным, плоским белым светом, стирающим тени. Ослеплённая, Лира зажмурилась, вскинув руку к лицу.

Когда зрение вернулось, она поняла, что окружена. Двадцать гвардейцев в янтарной форме дворцовой охраны стояли полукругом. Оружие покоилось в кобурах, и от этого молчаливого, спокойного оцепления веяло куда большей угрозой, чем от наведённых стволов.

Из-за спин гвардейцев вышел пожилой мужчина в строгом сером плаще. Варрик Холт, начальник службы безопасности Дома Соларис. Человек, который когда-то учил маленькую Лиру держаться в седле и подбадривал после каждого падения. Сейчас в его глазах не было ни капли тепла.

— Доброе утро, леди Лира, — произнёс Холт скрипучим, бесцветным голосом. — Регент ждёт вас.

— Сейчас четыре утра, Варрик, — растерянно пробормотала она, пытаясь нащупать привычную почву под ногами.

— Я знаю, миледи, — Холт тяжело вздохнул и сцепил руки за спиной. — Регент не ложился.

Глава 3. Регент

Кабинет регента оставался единственным помещением Янтарного дворца, куда не допускалась показная роскошь. При отце здесь пахло полированным деревом и старыми чертежами, под потолком покачивались модели исторических фрегатов, а в углу громоздился потёртый пилотский тренажёр. На нём маленькая Лира «разбивалась» по сорок раз за вечер, пока отец сидел рядом с неизменной чашкой чая с молоком. Он никогда не повышал голос, лишь мягко повторял своё вечное: «Попробуй ещё раз. Лети спиной, Лира».

Эйден безжалостно вычистил эту комнату, едва занял кресло. Теперь здесь давили серые глухие стены и бесконечные ряды мониторов. Экраны ползли графиками, пульсировали сводками и почти сплошь светились тревожным багровым цветом — как воспалённые глаза человека, который забыл, что такое сон.

Брат стоял спиной к двери, глядя в высокое окно. Над морем Вейры нехотя разгорался рассвет. Чернильное небо наливалось лиловым, затем розовым, переходя в тот самый фирменный янтарный оттенок Соларис, который Лира любила с детства, но сейчас восприняла как злую насмешку.

— Садись, — бросил Эйден, не оборачиваясь.

Его голос звучал ровно, с той самой непререкаемой интонацией, которой Лира так и не научилась сопротивляться. Проигнорировав жёсткие гостевые стулья, она назло опустилась в старое отцовское кресло — единственную вещь, которую брат почему-то не посмел выбросить. Кожа жалобно скрипнула под её весом.

Эйден обернулся. В свои тридцать четыре он выглядел так, будто последний год выкачал из него десяток лет жизни: светлые волосы потускнели, упрямая отцовская линия подбородка заострилась, а под маминими серыми глазами залегли почти чёрные тени. Его парадный мундир был застёгнут на все пуговицы, несмотря на удушающую жару кабинета, в котором на полную мощность работали вычислительные серверы. Он окинул Лиру пристальным, цепким взглядом: смятая форма испытателя, свежая ссадина на скуле, которую она даже не успела обработать, плотно застёгнутый воротник, скрывающий болт на шнурке.

— Пояс Кальдеры, — констатировал он без всякого вступления. — Нелегальные гонки. Два года, сорок одна трасса, двадцать девять побед.

— Тридцать.

— Двадцать девять, Лира. Результаты последней гонки Бабушка Зо ещё оспаривает с букмекерами Хаддата.

Лира открыла рот, чтобы огрызнуться, но слова застряли в горле. Она вдруг почувствовала себя не вольным пилотом, а пойманной школьницей.

— Ты знал. Всё это время.

— Я регент, — он опустился в кресло напротив, идеально держа спину. — Моя работа — знать всё, что происходит в нашей системе. Я знаю, что ты гоняешь на модифицированном скифе контрабандиста по имени Джакс. Знаю про его просроченный кредит за грузовик. Знаю, что он таскает в Пояс наши медикаменты в обход пошлин, а обратно везёт запрещённый синтетический лёд с Тамира. Я в курсе, что там тебя называют Искрой.

Последнее слово он произнёс с такой брезгливой отстранённостью, словно снимал с рукава грязную гусеницу.

— Если ты всё знал, почему молчал? — вырвалось у неё.

— Потому что мне было не до твоих подростковых бунтов, — ответил Эйден, и эта сухая, безжалостная честность ударила больнее любой лжи.

Он провёл ладонью по сенсорной панели стола, и экраны на стенах синхронно мигнули, выведя ту самую красную лестницу биржевого графика, которую Лира видела ночью в баре.

— Я не разбираюсь в макроэкономике, — отрезала она, скрестив руки на груди.

— Тогда я объясню на пальцах, — в голосе брата прорезались те самые учительские нотки, от которых у неё всегда сводило зубы. — Наш Дом живёт только Ожерельем. Семь гипервратот. Шесть из них активны, и мы берём пошлину за каждый проходящий корабль. Но первым вратам уже сто сорок лет. Инфраструктура сыплется, навигация сбоит, грузы застревают в транзите. Капитаны не дураки — они массово уходят на новые кольца Хаддата. Да, там дороже, но Хаддат гарантирует безопасность прыжка. За год наши сборы упали втрое.

— А седьмые?

— Седьмые мертвы, и ты прекрасно это знаешь.

Она знала. Тихие врата были главной страшилкой её детства: гигантское, обросшее вечным льдом кольцо на самых задворках системы, похожее на ослепший глаз. Их построил ещё дед, но сам же и запечатал после подписания Договора Тишины. Взрослые всегда замолкали, когда речь заходила о них. Отец брал её туда лишь однажды, в служебный облёт, когда ей было двенадцать. Она до сих пор помнила колючий холод сервисного модуля и то, как старый металл вдруг отозвался слабым голубым свечением на прикосновение её детской ладони к пыльной консоли. Отец тогда резко побледнел, отдёрнул её руку и всю обратную дорогу молчал, а дома категорично запретил когда-либо подлетать к кольцу. Она тогда решила, что сломала дорогую аппаратуру.

— Чтобы поддерживать старые врата, я взял огромный заем у банка Велан, — монотонно продолжал Эйден, глядя на пульсирующие красные цифры. — Чтобы платить по процентам Велан, я занял у теневых кредиторов Кхарона. Через шестьдесят дней наступает финальный срок выплат. Если мы не погасим хотя бы основное тело долга, Консорциум инициирует банкротство. Врата, верфи, планеты — всё пойдёт с молотка. Это купит Хаддат, или Велан, или они разорвут нас на куски вместе. Аудиторы Велан уже сейчас бродят по нижним ярусам дворца, описывая имущество.

— А что будет с нами?

— Нас вежливо попросят освободить помещения. Элиану десять лет, Лира. Наш брат вырастет никем. Нищим наследником разорённого Дома.

Она прикусила губу. Конечно, Элиан. Эйден мог начать с графиков и макроэкономики, но всегда заканчивал Элианом. Это был запрещённый приём, против которого у неё не находилось аргументов.

— Какова сумма долга? — тихо спросила она.

Эйден назвал число. Лира даже не подозревала, что подобные порядки нулей существуют за пределами астрофизических справочников.

— Но выход есть, — сказал брат, и в его выцветших глазах мелькнуло что-то пугающе фанатичное. — Синдикат Торн.

Лира не удержалась и нервно рассмеялась:

— Железный истукан с новостных экранов?

Эйден даже не улыбнулся.

— У Торна колоссальный военный флот, но нет ни одних собственных врат. Сто сорок лет они платят транзитные пошлины нам, Хаддату и Велан. Им это поперёк горла. Я предложил им слияние: Ожерелье переходит под наше совместное управление, Торн полностью гасит наши кредиты, а его крейсеры закрывают Вейру непроницаемым щитом от любых посягательств. Консорциум предварительно одобрил сделку. Но есть одно условие.

В кабинете стало тихо. Лира почувствовала, как по спине пополз колючий холодок, хотя Эйден ещё не произнёс главного.

— Слияние капиталов традиционно скрепляется кровью, — чеканя каждое слово, произнёс регент. — Это базовый устав Консорциума. Адмирал Каэл Торн. Тридцать шесть лет, не женат, фактический правитель своего Синдиката при недееспособном дяде...

Она не дала ему договорить.

Резко вскочив, Лира оттолкнула от себя отцовское кресло — оно с грохотом врезалось в стену. Она сама не поняла, как массивный хрустальный бокал с подноса оказался в её руке и полетел через весь кабинет. Хрусталь разлетелся в пыль в дюйме от головы Эйдена, осыпав его плечи сверкающими осколками.

Брат даже не дрогнул. Он меланхолично стряхнул стеклянную крошку с эполет и поднял на неё глаза.

— Ты закончила истерику?

— Я даже в лицо его не видела! — закричала она, задыхаясь от ярости и бессилия.

— Увидишь. Бал помолвки назначен через пять дней.

— Ты продал меня, даже не поставив в известность?!

— Ты в это время играла в прятки с астероидами.

Слова ударили наотмашь. Всего через пять дней её закуют в чужой корсет и отправят на флагман к человеку с механической рукой, для которого люди — не больше чем инвентарные номера. Ни Пояса, ни гула двигателей «Стрижа», ни разговоров до утра больше не будет. Ожидалось, что она станет безмолвной декорацией на приёмах и инкубатором для наследников Железного Призрака. Тяжёлый болт Джакса, спрятанный под тканью комбинезона, словно раскалился, обжигая кожу.

— Предложи им кого-нибудь другого! — она вцепилась пальцами в край стола. — Отдай им кузину Мирабель! Она выучит гимн Торна наизусть и повесит портрет адмирала над кроватью!

— Я предлагал Мирабель, — бесстрастно ответил Эйден. — Адмирал отказался. Он чётко обозначил свои требования. Ему нужна ты.

— Почему именно я?!

— Не имею понятия, — впервые за всё утро регент отвёл взгляд, уставившись на мерцающий экран. — Можешь спросить у него сама.

Лира выпрямилась. Вся её вспыльчивость внезапно перегорела, оставив лишь холодную, кристальную решимость — ту самую, которая помогала ей вести скиф сквозь Игольное ушко.

— Я не выйду за него, Эйден, — произнесла она тем самым тихим, смертельно спокойным тоном, который когда-то принадлежал их отцу. Она надеялась, что это сработает.

Но брат лишь коротко кивнул. Его пальцы снова пробежались по консоли.

Один из графиков свернулся, уступив место прямой трансляции с камеры наблюдения. Серые бетонные стены, прикрученная к полу шконка и гудящая решётка силового поля. На койке, бессильно опустив голову и сцепив руки на затылке, сидел человек в знакомой потёртой куртке с разорванным плечом.

Словно почувствовав взгляд, мужчина вскинул голову и посмотрел прямо в объектив.

Лира забыла, как дышать.

— Служба безопасности взяла его час назад, на выходе из таможенной зоны Пояса, — монотонно зачитывал Эйден. — Контрабанда медикаментов, уклонение от налогов и незаконная транспортировка особы благородного происхождения в зоны повышенного риска. Последняя статья, если ты забыла законы, карается пожизненным каторжным трудом.

— Он не сделал ничего плохого! Это я его заставила!

— Я это знаю. Но трибуналу Вейры будет плевать на твои оправдания.

Эйден активировал второй экран. Объектив беспилотника показывал старый портовый док. В центре стоял обшарпанный грузовой корабль с облупившейся синей краской и нарисованной от руки кривой ласточкой на борту.Вокруг опорных стоек суетились люди в технических комбинезонах, крепя к металлу неприметные серые контейнеры. Один из них зафиксировали прямо на левой опоре — там, где раньше находился болт, висевший сейчас на груди Лиры.

— Направленные заряды, — пояснил Эйден, проследив за её взглядом. — Их мощности хватит, чтобы превратить эту посудину в облако плазмы и металлической крошки.

— Ты не посмеешь, — прошептала она, не узнавая собственного голоса.

— Посмотри на меня, Лира, — регент подался вперёд. В его серых глазах не было ни садизма, ни торжества — только абсолютная, сокрушительная прагматичность человека, загнанного в угол. — Я управляю Домом, который через шестьдесят дней прекратит своё существование. Мои дворцы описывают кредиторы, нашему брату грозит нищета. Поверь мне: я посмею всё.

Она переводила остекленевший взгляд с одного экрана на другой. Джакс в камере вдруг стёр несуществующую пыль с колена, поднял два пальца к виску и шутливо отсалютовал прямо в объектив — точно так же, как делал после каждой успешной гонки.

Горло стянуло так, что стало больно глотать.

— Условия предельно просты, — голос брата звучал как приговор. — Скажи «да» — и контрабандист улетит на своём ведре. Никакого суда, аннулированные долги и полная свобода. Скажи «нет» — и он сгниёт в урановых шахтах Тамира, а его «Ласточка» станет очередной кучей мусора в твоём драгоценном Поясе. Выбирай.

В ушах Лиры зазвенело беспечное ночное обещание Джакса: «Ещё год, ну, полтора... И если девице надоест торговать рыбой...»

Солнце за окном наконец вырвалось из-за горизонта. Кабинет залило плотным, тяжёлым янтарным светом.

— Да, — выдавила Лира.

Слово прозвучало жалко.

Эйден удовлетворённо кивнул и одним касанием погасил экраны. Затем тяжело поднялся из-за стола, одёрнул сбившуюся полу парадного мундира и направился к выходу.

Уже взявшись за ручку двери, он остановился, но оборачиваться не стал.

— Спасибо, — сказал регент. — Я всегда знал, что ты гораздо умнее, чем пытаешься казаться.

Дверь закрылась с мягким, почти бережным щелчком, отрезая её от внешнего мира.

Лира осталась одна. Онемевшими руками она подкатила отцовское кресло обратно к столу, опустилась на кожаное сиденье и выпрямила спину — как подобает истинной леди Дома Соларис. Затем расстегнула воротник, вытащила наружу тусклый металлический болт и сжала его в кулаке с такой силой, что рваная резьба до крови впилась в ладонь.

И только почувствовав физическую боль, она позволила себе заплакать.

Глава 4. Решётка

Элиан не спал. Лира поняла это ещё в тёмном коридоре: из-под его двери выбивалась тонкая полоска света, а изнутри доносилось характерное шуршание. Так скребут мелками по бумаге, когда сжимают их слишком крепко, от усердия или от тревоги.

Она постучала условным стуком: два коротких удара, пауза, ещё один. Шуршание мгновенно стихло. Из-за двери раздался громкий, нарочито суровый шёпот:

— Пароль!

— Хвост кометы.

— Неправильно, — безапелляционно заявили с той стороны. — Сегодня «мокрый кальмар».

Лира прислонилась лбом к прохладному дереву. Весь этот бесконечный, выматывающий день она держалась. На примерке, где три суетливые портнихи вертели её, как безвольную куклу, споря, какой оттенок янтаря лучше оттенит стальные глаза адмирала. На обеде с Эйденом, прошедшем в такой вязкой тишине, что было слышно, как столовое серебро царапает фарфор. На внезапно назначенном уроке этикета, как в двенадцать лет. А здесь, перед дверью младшего брата, от одного нелепого «мокрого кальмара» у неё предательски задрожали губы.

— Мокрый кальмар, — послушно отозвалась она.

Щёлкнул замок. Элиану было десять, но выглядел он от силы на восемь. Тонкокостный, бледный, с огромными серыми глазами и светлыми вихрами, торчащими во все стороны, как перья у взъерошенного птенца. Врачи с Мерих-Прайма уверяли, что его слабость с возрастом пройдёт, но пока чуда не происходило.

Вся его комната была оклеена кораблями. Они громоздились на листах бумаги, на полях учебников и прямо на обоях. Один красовался даже на потолке — ради него Элиан однажды соорудил шаткую пирамиду из стола и стула, едва не свернув себе шею. Это были странные, невозможные конструкции с плавниками, стрельчатыми крыльями и иллюминаторами в форме звёзд. Ни один из них не смог бы оторваться от земли по законам физики, но каждый был по-своему прекрасен.

Увидев сестру, мальчик торопливо забрался обратно под одеяло, прижимая к груди изрисованный лист.

— Ты не спишь, — Лира присела на край кровати.

— Ты тоже. Взрослые вообще не лазают через служебный ход в четыре утра, я сам видел. — Он немного поколебался, но все же протянул ей свой рисунок. — Это тебе. Когда ты вырастешь.

На листе был изображён стремительный, острый как игла корабль. Рыжий, под цвет её волос, с хвостом из жёлтых искр за кормой. Сверху кривыми печатными буквами значилось: «ЛИРА-1».

— Вот тут каюта, вот кухня, — Элиан серьёзно ткнул пальцем в бумагу. — А вот гостевая комната для меня. Ну, если я захочу прилететь в гости. А здесь сидишь ты. И улетаешь, куда только захочешь.

Она не выдержала и слабо рассмеялась, но смех перешёл во всхлип. Мальчик тут же нахмурился, вглядываясь в её лицо.

— Ты плачешь? Это из-за адмирала? Слуги шепчутся, что у него железная рука и он ест на завтрак гвозди.

— Он не ест гвозди, Эль.

— Откуда ты знаешь?

— Если честно — понятия не имею, — вздохнула Лира.

Элиан нахмурил светлые брови, задумался на секунду, а затем нырнул рукой под подушку. Выудив оттуда свой любимый красный мелок — тот самый, которым он рисовал только по-настоящему важные детали, — он вложил его ей в ладонь.

— Возьми. Если он всё-таки ест гвозди, нарисуй ему усы. Пока он спит.

Лира обняла брата так крепко, что он ойкнул. От него пахло тёплым молоком и восковыми мелками. «Наш брат вырастет никем», — прозвучал в памяти монотонный голос Эйдена. Нет, подумала она, зарываясь лицом в его вихры. Не вырастет. Я этого не допущу.

Нисса ждала её в спальне, восседая на необъятном сундуке с приданым, как недовольная королева на троне.

Она служила при Лире с тех пор, как им обеим было около семи. Тогда Нисса, чумазая кухонная девчонка, стащила для маленькой леди Соларис сладкий пирожок. Когда их поймали, высекли только кухарку, а Лира в знак протеста неделю не разговаривала с отцом, пока тот официально не перевёл Ниссу в её компаньонки. За семнадцать лет медная коса Ниссы отросла до пояса, лицо покрылось россыпью веснушек, а язык стал острым, как бритва.

Узнав, что Лира согласилась на брак, компаньонка выронила гребень. А когда услышала, какую цену за это назначил Эйден, подобрала его, села рядом и очень грязно, от души, выругалась.

— Кто из них бóльшая скотина — Эйден или Торн? — устало спросила Лира.

— Я ещё не решила, кто займёт первое место, — проворчала Нисса. Она взяла руку госпожи, осторожно разжала пальцы и, не задавая лишних вопросов о глубоких следах от резьбы на ладони, достала свою вечную баночку с заживляющей мазью.

— Я тут кое-что разузнала про твоего адмирала, — начала она, методично втирая мазь в ранки. — Нет, не отмахивайся. Кухарка из их делегации, что была здесь месяц назад, по глупости разболталась с нашей Бертой. Так вот: Торн ни разу не был женат. Никаких официальных фавориток, ни одного скандала, ни внебрачных детей. Вообще ничего. Спит по четыре часа в сутки, не ест сладкого и зачем-то читает старые бумажные книги.

— Может, он вообще не человек? — мрачно предположила Лира. — Очередной механизм Консорциума.

— Берта тоже так подумала, — кивнула Нисса. — Но кухарка клянётся, что у него есть родинка над ключицей. Откуда она это знает — история умалчивает. Зато известно другое. Однажды он приказал вышвырнуть офицера в шлюз за то, что тот избивал юнгу. А через пять минут приказал втянуть его обратно. Говорят, офицер поседел за эти триста секунд.

Лира поёжилась.

— И это должно меня как-то утешить?

— Это должно тебя отрезвить, — Нисса с щелчком закрыла баночку. — Он не психопат, Лира, а ходячий калькулятор, и с такими труднее всего.

Варрик Холт появился около пяти утра.

Он не стал стучать, а просто открыл дверь своим мастер-ключом и замер на пороге, кутаясь в серый плащ, похожий на призрак давно умершего дворецкого.

— Камеры в восточном крыле уходят на ежесуточную перезагрузку, — произнёс он без предисловий. — Если хотите его увидеть, у вас ровно двадцать минут. Я позабочусь, чтобы система загружалась чуть дольше обычного.

— Варрик... почему вы рискуете?

Старый безопасник пожал плечами.

— Я учил вас держаться в седле, леди Лира. Вы падали двадцать два раза и ни разу не заплакали. Думаю, вы заслужили свои двадцать минут.

Тюремный ярус встретил их удушливым запахом хлорки и сырого бетона. Шаги гулко отдавались от металлических переборок. Дежурный часовой в конце коридора, едва завидев Холта, внезапно нашёл очень интересное пятно на противоположной стене и отвернулся.

Джакс сидел на узкой койке за гудящим синим силовым полем. Заслышав шаги, он вскинул голову. Увидев Лиру, он улыбнулся так светло и непринуждённо, словно они встретились за столиком в «Пыльном Раю», а не в камере смертников.

— Искра! А ты в халате, — с искренним удовольствием констатировал он.

Лира опустила глаза. Только сейчас она поняла, что так и спустилась в тюремный блок в ночных туфлях и тонком шёлковом халате с вышитыми янтарными птицами.

— Тебе идёт, — хмыкнул контрабандист. — Хотя туфли, конечно, дурацкие. А у меня тут, зацени, шикарный вид. — Он обвёл рукой голые бетонные стены. — Очень богатый бетон. Ваш Дом определённо не экономит на стройматериалах.

— Джакс, замолчи.

Шутка мгновенно погасла в его глазах. Он встал и подошёл вплотную к энергетическому барьеру. Поле раздражённо затрещало. Синяя, полупрозрачная плёнка выглядела безобидно, как мыльный пузырь, но Лира знала, что одно прикосновение к ней способно остановить сердце.

— Твой брат приходил ко мне лично, — сказал Джакс. — Объяснил правила игры. Сказал, что ты выходишь замуж за Торна. Это из-за меня, да?

— Не только.

Джакс прикрыл глаза. Когда он открыл их снова, знакомая складка на лбу прорезалась глубоко, как шрам.

— Послушай меня внимательно, Искра, — он заговорил быстро, сбиваясь, глотая окончания слов. — Пип и Гуго на свободе. У Гуго есть свои люди в грузовых доках. Если эти ублюдки не успеют взорвать «Ласточку» до утра, мы сможем вытащить тебя. Пройдём через технический терминал, сбросим транспондеры, уйдём в Пояс. Бабушка Зо спрячет нас так, что ни один радар...

— Нет.

— Лира, я не позволю тебе...

— Я сказала — нет! — Её голос сорвался, и часовой у стены нервно дёрнул плечом. Она заставила себя говорить тише. — Если ты попытаешься, вас убьют. И тебя, и Пип, и старого Гуго. А Эйден даже пульс не ускорит. Он сказал мне, что ради спасения Дома посмеет всё. И он не блефовал.

Она прижала ладони к груди, нащупывая сквозь шёлк халата холодный металл подаренного болта.

— Ты улетишь, Джакс. Заберёшь свою «Ласточку», накопишь на чёртов прыжковый блок и уберёшься в Неизведанные сектора. Назовёшь там звезду своим нелепым именем и сваришь то самое дрянное пиво.

Он смотрел на неё сквозь синее свечение.

— Без тебя, Искра, это будет просто серое пятно на карте.

— Пообещай мне.

— Не могу.

Лира шагнула к камере и подняла руку. Силовое поле угрожающе загудело, реагируя на близость живой плоти. Она остановила ладонь в миллиметре от смертоносной преграды. Джакс поднял свою руку с той стороны. Их пальцы разделяла лишь тонкая световая плёнка, сыплющая микроскопическими искрами.

— Я приду за тобой, Искра, — произнёс он. Улыбка на его губах была болезненной и кривой. — Может, не завтра. Может, через год. Но я приду.

— Не смей.

— Я контрабандист. Для меня не существует слова «не смей».

Холт за её спиной деликатно кашлянул. Время вышло. Лира отступила на шаг. Затем ещё на один. Джакс так и остался стоять у барьера с поднятой ладонью, словно продолжал

держать её руку сквозь гудящий свет. Она резко развернулась и пошла прочь по коридору, запретив себе оглядываться. Если бы она обернулась, то уже не нашла бы в себе сил уйти. В её кармане лежал сломанный красный мелок Элиана, на шее висел старый болт, а внутри, под рёбрами, зияла такая пустота, словно оттуда с корнем вырвали главную деталь, без которой этот механизм больше никогда не сможет летать.

Глава 5. Бал помолвки

Корсет, как давно решила Лира, наверняка изобрёл женоненавистник. И она искренне надеялась, что этот безымянный садист умер в страшных муках.

— Вдохни, — скомандовала Нисса.

— Я не могу вдохнуть!

— Значит, выдыхай. Совсем. До самого дна.

Лира послушно выдохнула. Компаньонка упёрлась коленом ей в поясницу и безжалостно рванула шнуры. Где-то внутри жалобно хрустнуло — то ли рёбра, то ли остатки гордости. Нисса завязала узел, отступила на шаг, чтобы полюбоваться своей работой, и вдруг издала странный сдавленный звук, похожий на восхищённое «ох». Лира попыталась выпытать, что это значит, но компаньонка лишь загадочно покачала головой.

Лира повернулась к зеркалу. Платье, разумеется, было янтарным — в этом дворце всё и всегда было янтарным. Тяжёлый шёлк, расшитый золотой нитью, открытые плечи, узкие рукава, доходящие до середины ладони. В рыжие, вечно непослушные пряди вплели тонкую нить с мелким янтарём. После трёх часов мучений парикмахершам удалось укротить её волосы, уложив их идеальными волнами. Из зеркала на Лиру смотрела ослепительно красивая, спокойная и совершенно незнакомая женщина. Товар, с тоской подумала она. Красиво упакованный товар, перевязанный подарочной лентой.

Единственной тайной оставался старый металлический болт. Нисса ругалась целый час, грозясь исколоть все пальцы, но в итоге виртуозно вшила в подкладку лифа крошечный потайной кармашек. Металл холодил кожу чуть ниже ключиц — единственное, что Лира несла на этот бал своего.

Большой зал Янтарного дворца утопал в огнях. По старинному обычаю здесь зажгли настоящие восковые свечи — тысячи огоньков мерцали в тяжёлых хрустальных люстрах, настенных канделябрах и глубоких нишах. Под сводчатым потолком лениво дрейфовали живые светящиеся медузы, доставленные из оранжерей Мерих-Прайма, заливая зал мягким розовым и голубым светом. В высоких стрельчатых окнах чернело море Вейры, перечёркнутое серебряной лунной дорожкой. Воздух был густым от запахов плавящегося воска, густого парфюма и огромных, немыслимых денег.

Над галереей нависали пять огромных гербов: янтарное солнце Соларис, серебряная шестерня Торна на чёрном фоне, золотые весы Велан, багровое кольцо Хаддата и раскидистое зелёное дерево Мерих. Пять Синдикатов. Весь Консорциум собрался здесь только для того, чтобы посмотреть, как продают одну рыжую девушку.

Лира стояла у подножия парадной лестницы рядом с братом. Она улыбалась уже сорок минут, и скулы начинало болезненно сводить. Гости проплывали мимо непрерывным потоком. Высокая, безупречно седая матриарх Ивенна Велан в платье цвета старого золота окинула её оценивающим взглядом — так смотрят на залог, прикидывая, покроет ли он выданный кредит. Огромный, краснолицый лорд Оссиан Хаддат с бородой, заплетённой в щегольские кольца, приложился к руке Лиры влажными губами. Затем он прошептал Эйдену пару слов, от которых регент побелел как мел. Следом шёл Рутгер, хмурый и нелепый в парадном багровом камзоле. Разумеется, он её не узнал — в Поясе Кальдеры сынок лорда видел лишь удаляющийся хвост её скифа. Лира мысленно напомнила ему про четыре секунды и улыбнулась чуть шире, отчего Рутгер немедленно смутился и отвёл взгляд.

Только Мать-Садовница Ауна Мерих — крохотная, сухая старушка в зелёном наряде, с живыми цветами в седых волосах — посмотрела на неё с искренней теплотой. Она сжала пальцы Лиры своей сухой, неожиданно горячей ладонью и шепнула:

— Держись, девочка. Корни всегда глубже, чем кажутся на первый взгляд.

Лира не поняла тайного смысла этих слов, но в тесном корсете вдруг стало чуть легче дышать.

Торна всё не было. Продолжая дежурно улыбаться залу, Лира процедила сквозь зубы, что жених, кажется, опаздывает.

— Он не опаздывает, — так же, не разжимая губ, ответил Эйден. — Он всегда приходит только тогда, когда зал полон. Чтобы все видели, как он входит.

Церемониймейстер, вероятно, ударил жезлом и выкрикнул титулы, но Лира этого не услышала. Она запомнила лишь то, как изменилась атмосфера. Зал не просто замолчал — он затих, как стихает море за секунду до штормового удара. Тишина покатилась от массивных дубовых дверей, накрывая гостей волной: оборвался смех, замерли разговоры, стихла музыка, и даже парящие медузы под потолком, казалось, замедлили свой плавный танец.

Адмирал Каэл Торн пересекал зал в полном одиночестве, без свиты и адъютантов. На нём был глухой чёрный мундир с высоким жёстким воротником — без золотого шитья, без лент и без единой орденской планки. Его левая рука была затянута в чёрную перчатку. Густые тёмные волосы у висков тронула благородная седина, которую Лира не разглядела на экране новостей. Он не смотрел по сторонам, глядя прямо перед собой, и толпа расступалась перед ним сама, как вода перед рассекающим её крейсером. Железный истукан, упрямо повторила про себя Лира ночную шутку, но сейчас это прозвище совершенно не помогало унять предательскую дрожь.

Он остановился перед ними. Отвесил Эйдену короткий, выверенный до миллиметра поклон — именно такой, какого требовал протокол, ни градусом больше. Затем повернулся к ней.

Его глаза оказались вовсе не пустыми. Они были пугающе внимательными, цвета стали, которую только что достали из холодной воды. Он смотрел на неё не дольше трёх секунд, но Лире хватило этого времени, чтобы почувствовать себя прочитанной навигационной картой, от заглавия до мелкого шрифта в сносках.

— Леди Лира, — его низкий, ровный голос прозвучал без малейших интонаций. — Вы позволите мне первый танец?

Ей до одури хотелось сказать «нет», просто чтобы увидеть, как дрогнет эта идеальная маска.

— Это протокол, адмирал, — ответила она. — Вы не спрашиваете. Вы сообщаете.

В его глазах мелькнула едва уловимая тень — ещё не улыбка, а лишь далёкий отблеск, похожий на ходовой огонь корабля на самом краю радара.

— Тогда я сообщаю, — согласился Торн. И протянул ей руку. Левую.

Оркестр грянул старый, тягучий вейрский вальс, ритмичный и накатывающий, как морской прибой.

Лира положила ладонь на его плечо. Правая рука адмирала скользнула ей на талию — живая, сухая и очень уверенная. Левая рука в чёрной перчатке перехватила её пальцы. Могильный холод прошил тонкий шёлк её перчатки и ударил прямо в кровь. Это был не жгучий холод мороза, а мёртвый, ровный холод металла, похожий на забытый в ночи поручень корабля. Лира невольно вздрогнула, и он, разумеется, это заметил.

— Простите, — негромко произнёс он, ведя её в танец. — Она всегда немного прохладнее, чем я сам.

— А вы сами бываете тёплым? — огрызнулась она.

— Иногда.

Он ответил так серьёзно, что Лира не поняла, была ли это издёвка.

Торн вёл безупречно. Без нажима, без грубого усилия. Лира вальсировала с сотнями кавалеров: одни пытались тащить её за собой, наступая на подол, другие безвольно позволяли вести себя. Торн не делал ни того, ни другого. Он просто направлял, а её тело само следовало за его выверенными движениями. Это бесило невероятно.

— Меня выворачивает от того, что меня продают, — вырвалось у неё, когда молчать стало физически невыносимо.

— Вас не продают. Вас меняют.

— Какая разница?

— Огромная. Продают за кредиты, — он плавно развернул её, и пышный янтарный подол описал идеальный круг. — Вас меняют на военный флот, гиперврата и погашение колоссального долга перед Велан. Поверьте, это комплимент.

— Знаете, куда вы можете засунуть свой комплимент? — прошипела Лира.

— Леди Лира, — его губы едва шевельнулись, сохраняя вежливую полуулыбку для публики. — На нас сейчас смотрят представители пяти Домов.

Она осеклась, натянула на лицо самую сладкую из своих светских улыбок и, продолжая грациозно кружиться, задала вопрос, который мучил её с самого утра:

— Почему именно я?

Он ответил не сразу. Музыка взмыла вверх и плавно пошла на спад, Торн сделал ещё два лёгких оборота.

— Ваш брат предлагал вашу кузину Мирабель. Я наводил справки: она прекрасно воспитана, свободно владеет четырьмя языками и виртуозно играет на арфе.

— И?

— Но она отвратительно летает, — спокойно закончил адмирал.

Лира споткнулась. Он удержал её мгновенно, словно заранее знал, что она оступится. Его живая рука на её талии напряглась, и сквозь шёлк платья Лира кожей ощутила скрытую в ней сокрушительную силу, которую он до сих пор сдерживал.

— А вы весьма неплохо летаете, — Торн наклонился к самому её уху. Его шёпот обжёг кожу. — Для воровки. Испытательный челнок номер четырнадцать. Сорок одна самовольная отлучка в Пояс Кальдеры. Скиф «Стриж». Игольное ушко на прошлой неделе. И разрыв в четыре секунды.

Перед глазами Лиры вспыхнула крохотная зелёная точка на радаре Джакса. Неподвижная, висящая на границе сектора без габаритных огней. Кровь отлила от лица.

— Тот корабль… Это были вы.

— Я хотел видеть, на ком именно женюсь.

— Вы следили за мной?

— Я наблюдал, — мягко поправил он, возвращая её в прежний ритм вальса. — Между этими понятиями есть разница. Следят для того, чтобы поймать. Наблюдают — чтобы понять.

— И что же великий адмирал Торн понял? — выплюнула она, вскинув подбородок.

Он посмотрел ей прямо в глаза, и холод в них стал почти осязаемым.

— Что вам совершенно не страшно в ситуациях, когда нормальные люди впадают в панику. И что вы до смерти боитесь тогда, когда бояться нечего. Как сейчас, например.

Оркестр взял финальный аккорд. Зал взорвался вежливыми аплодисментами. Лира присела в таком глубоком и идеальном реверансе, что жёсткий край корсета до синяков впился в рёбра.

Но Торн не отпустил её руку. Игнорируя шепотки гостей, он уверенно повёл её сквозь толпу к высоким окнам, туда, где за толстым стеклом плескалось море и было чуть меньше любопытных глаз.

— Вы смотрите на море так, будто высчитываете расстояние до горизонта, — произнёс он, глядя на серебряную лунную дорожку.

— Девятнадцать километров до волнореза, — машинально ответила Лира. — Дальше начинается открытая вода. В детстве я мечтала доплыть.

— Доплыли?

— Меня вытащили на двенадцатом километре. Отец потом месяц со мной не разговаривал.

— Двенадцать из девятнадцати, — задумчиво повторил Торн. — Неплохой результат для человека, которого никто не учил сдаваться.

Она внимательно посмотрела на его резкий профиль. На тёмные ресницы, отбрасывающие длинные тени на скулы. Ей пришлось с горькой досадой признать, что он красив — и это раздражало больше всего остального. В его красоте не было ничего от изнеженных придворных щёголей Аурелии. Это была хищная, функциональная эстетика превосходно сбалансированного оружия: ничего лишнего, каждая черта создана для дела.

— Знаете, адмирал, — произнесла Лира смертельно тихим и убийственно вежливым тоном. — Я выйду за вас замуж. У меня нет выбора, меня заставили. Но клянусь: каждый день нашей совместной жизни я буду думать о том, как крепко вы спите... и как легко ночью сдвинуть подушку вам на лицо.

Каэл Торн повернул голову. И впервые за весь вечер улыбнулся. Едва заметно, одним уголком жёсткого рта.

— Прекрасно, — искренне сказал он. — Мне совершенно не нужна покорная жена.

Он плавно поднёс её кисть к своему лицу, но не поцеловал, а лишь едва ощутимо коснулся губами костяшек её пальцев. Металл его левой ладони, поддерживающей её руку, так и остался мертвенно-холодным. А вот губы оказались обжигающе горячими.

Он коротко пожелал ей доброй ночи, напомнил о завтрашнем шаттле на «Морану» и развернулся. Толпа аристократов снова послушно расступилась перед ним, образуя живой коридор.

Лира осталась стоять у огромного окна, вцепившись свободной рукой в плотную портьеру. Она смотрела в широкую чёрную спину адмирала и никак не могла понять, почему её пальцы горят так, словно коснулись раскалённого угля.

Глава 6. Ключ невесты

«Л

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.